

11.08.2016

Встреча Эрдогана и Путина: почему не стоит ждать прорыва в отношениях с Турцией

Павел
Шлыков

Встреча Эрдогана и Путина в Петербурге, без сомнения, историческая, призванная поставить точку в холодной войне двух президентов, разразившейся после трагедии со сбитым СУ-24, однако ее значение для будущего российско-турецких отношений не столь однозначно. За яркими репортажами и заверениями в дружбе на века – длинный перечень проблем, взаимоприемлемое решение которых пока не просматривается

Главный посыл саммита лидеров России и Турции в Петербурге состоит в том, что раздоры между Москвой и Анкарой должны отойти в прошлое – теперь и на место воинственной риторики и обмена компроматом приходит привычный для 2000-х годов поиск взаимовыгодного сотрудничества в торгово-экономической, культурной, энергетической и, возможно, даже политической сфере. Адресаты этого послания не только уставшие от искусственной вражды народы России и Турции, о которых говорили Путин и Эрдоган на совместной пресс-конференции, но и Запад, отношения с которым у России крайне непростые, а у Турции стремительно деградируют по целому ряду причин – от лукавого участия в борьбе против ИГИЛ (запрещено в РФ) до гонений на демократические свободы внутри страны. Неудавшийся военный переворот, рост антиамериканизма и напряжение в отношениях Турции с Брюсселем открыли для Москвы дополнительные возможности выстроить заново сотрудничество с Анкарой. Более того, внутри Турции, где значительная часть населения убеждена, что Запад участвовал в подготовке путча, сейчас есть очевидный запрос на альтернативу США, НАТО и ЕС.

Идея такого антизападного союза с Россией не нова. Достаточно вспомнить 2002 год, когда в ответ на требования Брюсселя решить курдский и кипрский вопрос генеральный секретарь Совета национальной безопасности Турции генерал Тунджер Кылынч публично выступил с предложением создать «стратегическую ось» России, Турции и Ирана в противовес «неприемлемым требованиям ЕС». Еще в середине 2000-х годов ощутимые успехи в развитии двусторонних отношений Москвы и Анкары подтолкнули турецкие СМИ к новым интерпретациям «евразийского проекта». Некоторые журналисты стали говорить о том, что российско-турецкие отношения – это пример «формирующегося альянса» против Запада и однополярной внешней политики Вашингтона. Другие увидели в этом желании Москвы включить Турцию в «евразийскую ось», создаваемую Россией, Китаем, Индией и Ираном. Подтверждением этого отчасти служила информация о желании Анкары получить статус государства-наблюдателя в ШОС.

Поэтому звучащие сегодня идеи евразийского партнерства с Россией взамен сотрудничества с Западом по линии ЕС и НАТО вызывают ощущение дежавю. Однако, учитывая уровень зависимости турецкой экономики от европейской, все эти призывы едва ли можно воспринимать всерьез. Не стоит забывать и совсем недавние призывы Эрдогана на саммите НАТО в Варшаве (в начале июня 2016 года) «не допустить превращения Черного моря в русское озеро».

Поэтому завышенные ожидания, что российско-турецкие отношения быстро выйдут на уровень стратегического партнерства, едва ли могут оправдаться даже после теплых слов Эрдогана в адрес Путина и витиеватых заверений в дружбе навек. Ведь фундаментальные расхождения Москвы и Анкары по ключевым вопросам – от ситуации на Ближнем Востоке до конфликта вокруг Украины, от кипрского вопроса до проблемы курдов – никуда не исчезли. И Турция едва ли сможет пойти на компромисс по этим вопросам – это потребует слишком радикальной ревизии ее внешней политики по всем направлениям. Причем ревизии, неприемлемой для основного электората турецкого президента и правящей Партии справедливости и развития – националистов и исламистов.

Между тем диалог по сирийскому вопросу, оставшийся фактически за скобками петербургской встречи

Путина и Эрдогана, – одно из базовых условий нормализации политических отношений, и давняя формула «agree to disagree» уже едва ли сработает. Даже дипломатический протокол не помешал российскому министру иностранных дел незадолго до петербургского саммита открыто заявить, что сотрудничество на ближневосточном направлении – ключевой фактор для российско-турецких отношений.

Издержки возрождения «Турецкого потока»

Возрождение «Турецкого потока» было одной из главных тем визита турецкого президента в Россию. Публичные заявления лидеров двух стран о готовности вместе работать над масштабными энергетическими проектами (газопровод по дну Черного моря и первая в Турции АЭС «Аккую») – важный результат петербургского саммита. С одной стороны, это можно трактовать как политическую и экономическую победу российского лидера, ведь оба проекта стали знаковыми для Путина в геополитическом плане. Но при детальном рассмотрении российская победа выглядит не столь однозначно. Ведь турецкая сторона по-прежнему настаивает на том, чтобы проложить лишь одну нитку «Турецкого потока», что с политической и экономической точки зрения не отвечает интересам ни Кремля, ни «Газпрома».

Первоначальный проект газопровода «Южный поток», замороженный из-за политико-правовой коллизии с Еврокомиссией, и его преемник «Турецкий поток», о котором Путин и Эрдоган объявили в декабре 2014 года, предполагали строительство четырех ниток общей мощностью около 63 млрд кубометров в год. Одна нитка должна была обеспечивать собственно Турцию, три других – тянуться по турецкой территории до границы с Грецией, для европейских потребителей. Но еще до сбитого Су-24 турецкие партнеры «Газпрома» пытались свести проект к строительству одной нитки только для Турции, а сам «Газпром» фактически перевел проект в спящий режим (летом 2015 года был разорван договор аренды на гигантский плавучий кран Saipem 7000 для строительства подводной части трубопровода, частично были свернуты работы по строительству газопровода на территории России – так называемый Южный газовый коридор стоимостью почти \$24 млрд, к реализации которого были привлечены структуры Геннадия Тимченко и Аркадия Ротенберга).

Строительство одной нитки «Турецкого потока» мощностью 15,75 млрд кубометров – крайне затратный и не очень выгодный для «Газпрома» вариант развития событий. Между тем именно на этом варианте настаивала турецкая делегация во главе с вице-премьером Турции Мехметом Шимшеком в ходе визита в конце июля в Москву, накануне встречи на высшем уровне в Санкт-Петербурге. Во-первых, реализация проекта потребует немалых инвестиций в прокладку трубопровода по дну Черного моря и создания наземной инфраструктуры. Во-вторых, «Газпрому» придется предоставить турецкой госкомпании Botaş существенную скидку на покупку российского газа, которая изначально была увязана со строительством газопровода (спор о размерах скидки был одним из факторов, затормозивших реализацию проекта еще весной 2015 года, а ее отмена после ноябрьской трагедии стала предметом иска в международный арбитраж).

Все это делает возрождение «Турецкого потока» чрезвычайно накладным для «Газпрома», который вынужден будет в условиях хронического дефицита финансовых ресурсов делать колоссальные инвестиции в прокладку одной нитки «Турецкого потока» по дну Черного моря и двух ниток «Северного

потока – 2» по дну Балтийского моря. На фоне нежелания Турции реализовывать экспортно-транзитную часть «Турецкого потока» азербайджанский проект транзитного газопровода TANAP через Турцию в Грецию реализуется полным ходом, что не может не настораживать Москву. В итоге при текущем развитии событий Анкара получает одни лишь преимущества: госкомпания Botas уже в ближайшей перспективе сможет получить весомую скидку на газ, а с запуском нового трубопровода еще и транзитные вычеты (стоимость транспортировки существенно снизится по сравнению с транзитом через Украину) плюс к этому еще и политико-экономические преференции за реализацию транзитного газопровода TANAP в Южную Европу.

Бремя АЭС «Аккую»

Реанимация еще одного крупного замороженного российско-турецкого проекта АЭС «Аккую» (более \$22 млрд инвестиций) несет в себе не меньшие экономические и политические риски. Еще весной 2012 года российский Институт проблем энергетике, изучив разделы Межправительственного соглашения России и Турции по строительству и эксплуатации АЭС «Аккую», пришел к выводу, что проект в целом не отвечает экономическим интересам России.

Как следует из доклада, с финансово-экономической точки зрения контракт выполняется без финансовых обязательств Турции, а финансирование проводится исключительно за счет средств проектной компании (с возможностью траншей из российского бюджета). Больше половины инвестиций (более \$11 млрд) получают турецкие компании, привлекаемые в качестве контрагентов. Кроме того, высоки риски замораживания российских инвестиций из-за затягивания сроков строительства АЭС, приостановки эксплуатации блоков по предписаниям турецких надзорных органов, протестов местного населения, неготовности энергосетей и так далее.

Помимо отсутствия финансовых обязательств турецкой стороны, в соглашении также не зафиксированы обязательства по сооружению ЛЭП и подстанций для отбора мощностей, нет данных по гарантированному сбыту энерго мощностей, не прописаны крупные потребители электроэнергии с базовым графиком нагрузки. Не все однозначно и в принятой схеме окупаемости будущей АЭС. Так, цена на электроэнергию с АЭС зафиксирована минимум на 25 лет. При этом не учитывается инфляция, рост цен, изменения курсов валют, другие финансовые изменения и политические потрясения. Все это несколько противоречит принятой международной практике: как правило, при строительстве АЭС по схеме «строй – владей – эксплуатируй» стоимость продажи электроэнергии не фиксируется в долларах, тем более на несколько десятилетий вперед.

Помимо рисков и обременений в период строительства, эксплуатация АЭС «Аккую» и даже вывод из эксплуатации также сопряжен с колоссальными затратами для проектной компании, на которую возложена ответственность за вывод АЭС из эксплуатации и переработку отходов. Учитывая, что АЭС «Аккую» находится неподалеку от курортного региона Анталья, стоимость вывода АЭС из эксплуатации в будущем с созданием зеленой зоны может оказаться сопоставимой с затратами на ее строительство (предельные объемы затрат не прописаны).

Обязательства по страхованию рисков эксплуатации АЭС также целиком возложены на проектную компанию, эксплуатирующую станцию. Турецкая сторона несет ответственность только за выделение земли под АЭС и гарантирует доступ к такой земле подрядчиков, агентов и поставщиков. Более того, положения межправительственного соглашения о корпоративном управлении АЭС имеют явно дискриминационный характер по отношению к российским партнерам: турецкая сторона не вкладывает в строительство АЭС средства, но получает контроль над собственностью, которая ей не принадлежит, ссылаясь на защиту национальной безопасности и экономических интересов Турции.

Наконец, есть у соглашения по АЭС «Аккую» и долговременный токсический эффект – в определенной степени уступки, на которые пошла Россия при заключении межправительственного соглашения на пике золотого периода российско-турецкой дружбы 2000-х годов, подрывают переговорные позиции для будущих международных контрактов по строительству АЭС, поскольку раскрывают пределы необоснованных экономических преференций при продвижении крупномасштабных проектов. При очевидной непредсказуемости развития внутривосточной ситуации в Турции возникает резонный вопрос как минимум о целесообразности продолжения проекта АЭС «Аккую» на прежних условиях.

Эмбарго на продовольствие

Не стоит, однако, полагать, что у Анкары опять – как в конце 2000-х годов – получилось повернуть ход нормализации двусторонних отношений исключительно в русло своих интересов. Одно из самых болезненных последствий семимесячной холодной войны для Турции – российское эмбарго на

поставки продовольственных товаров. Хотя нарушение этого запрета в России можно было наблюдать на прилавках крупных магазинов все последние полгода, потери турецких бизнесменов оказались внушительными. По официальным статистическим данным, в общем объеме продовольственного импорта из Турции в Россию за аналогичный период 2015 года на санкционные продукты приходился \$1 млрд.

Между тем снятие эмбарго, если следовать заявлениям официальной Анкары, пока только планируется к концу 2016 года. Роспотребнадзор при этом отмечает, что оснований для снятия эмбарго вообще нет. Все это совсем не удивительно. Еще в середине июля министр сельского хозяйства России Александр Ткачев после совещания у президента РФ откровенно признался, что правительство России не планирует в ближайшее время отменять продовольственное эмбарго в отношении Турции. И дело здесь не в желании продлить наказание для Анкары. Ткачев объяснил, что эмбарго сохранится, «потому что десятки, сотни сельхозтоваропроизводителей в разных уголках нашей страны поверили и услышали тот сигнал правительства, который поставлен – насытить российский рынок овощами собственного производства».

Исчерпанные прорывы

Российско-турецкие отношения слишком сложные, чтобы их можно было восстановить просто благожелательным общением двух лидеров. Рукопожатия президентов – это лишь необходимое условие, но уже не гарантия успеха. Выходит, что формула «выведения отношений на докризисный уровень», о которой говорили Путин и Эрдоган, означает возвращение к старым проблемам, на которые теперь еще наложилась память о семимесячной холодной войне.

Выстраивание двусторонних отношений под аккомпанемент антизападной риторики – совсем не новый подход для Москвы и Анкары. В наиболее острые моменты последних лет, когда внешнеполитические шаги Москвы вызвали обострение ее отношений с Западом, Турция делала выбор в пользу России, отношения с которой считались выгодными как с экономической, так и с геополитической точек зрения. Так, после вооруженного конфликта в Южной Осетии в 2008 году Турция расширила крайне выгодное для нее сотрудничество с Россией. В последующие два года Россия и Турция заключили важные соглашения, позволившие политикам двух стран говорить о «стратегическом партнерстве» (АЭС «Аккую», трубопровод Самсун – Джейхан, безвизовый режим и так далее).

«Прорывные соглашения», как их называли в СМИ, по многим параметрам были более выгодны Турции, чем России, – так, соглашение о постройке АЭС в Аккую было не только крайне затратным и рискованным проектом, но и противоречило традиционному российскому подходу воздерживаться от развития атомной энергетики в странах, импортирующих российский газ. Отмена краткосрочных виз, как бы ее ни рекламировали в России, в первую очередь служила турецким интересам. Для граждан РФ визовый режим никогда не был обременительным (визы клеивались в паспорт на границе, прямо в турецких аэропортах). Турции же было важно не только облегчить въезд своих граждан в Россию, но и найти способ сохранить лидирующие позиции на туристическом рынке России (соотношение выезжающих в Турцию россиян к приезжающим в Россию туркам составляло 30:1).

Иными словами, для России масштабные проекты в Турции были во многом политическими инвестициями. В 2014 году, на пике конфронтации России и Запада из-за украинского кризиса, Турция опять показала, что ставит свои экономические интересы выше идеологической солидарности с союзниками по НАТО: Анкара не присоединилась к антироссийским санкциям ЕС и США и поддержала проект «Турецкого потока». Помимо возможности стать одним из ключевых игроков на мировом рынке энергоресурсов, не обладая при этом собственными существенными запасами, Анкара тогда получила от России и другой подарок – существенную скидку на поставляемый из России газ. Однако при этом Анкара не отказалась от проработки других альтернативных маршрутов транзита нефти и газа из Центральной Азии на Запад, минуя Россию. То есть Москва опять пошла на политические инвестиции и поощрение своего стратегического партнера.

Наконец, в 2015 году механизм «прорывных проектов», компенсирующих расхождения позиций двух стран по ключевым вопросам мировой политики, не только дал сбой, но фактически себя исчерпал. И пробуксовывание нормализации двусторонних отношений после июньского письма Эрдогана Путину – яркое подтверждение этого. Кроме того, опыт ноябрьской трагедии четко показал, насколько быстро Москва и Анкара способны низвести двусторонние отношения с уровня стратегического партнерства до жесткой политико-экономической конфронтации.

Источник <http://carnegie.ru/http://carnegie.ru/commentary/2016/08/11/ru-64307/j3lg>